

Современная ситуация в России и в мире: демократия, справедливость, терроризм²

При множестве гипотез и объяснений современного кризиса международных отношений, как представляется, большинство из них тяготеют к анализу лежащих на поверхности ситуаций и фактов, и не предоставляют адекватной информации для принятия прагматических решений. Не претендуя на истину в конечной инстанции, попытаюсь дать несколько иную интерпретацию происходящего и начну с выделения главных проблем современного мира, а именно:

- 1) борьба США за геополитическое доминирование;
- 2) противодействие РФ созданию монополярного мира;
- 3) общемировой кризис идей и институтов демократии;
- 4) возрождение и повышение значимости идеи справедливости;
- 5) количественный рост террористических настроений и качественная трансформация террористических организаций.

1. Борьба США за геополитическое доминирование

Вначале обратимся к нескольким стратегическим разработкам, выполненным по заказу министерства обороны США в 1991–1997 годах, в которых определялись основные этапы и стратегические цели американской политики в ближайшие десятилетия.³ Несмотря на различие наименований этих аналитических и программных документов, в целом, они представляют единый план,

¹ Доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ректор Восточно-Европейского института психоанализа. www.Reshetnikov.org

² Авторская редакция стенограммы лекции проведенной для депутатов и партийного актива Санкт-Петербургского отделения Всероссийской партии «Единая Россия» (22.12.2015).

³ В частности, имеются в виду разработки: «Руководство по оборонному планированию Пентагона» (1991), «Расширение НАТО. Русский фактор» (1996), «Великая стратегия: скрытый выбор для Соединенных Штатов и мира» (1996), «Будущие войны и американское мировое господство в XXI веке» (1997). Приводятся по обзору шведского политолога Н. фон Крейтора (1946 - 2003), который был опубликован на русском в 2006 году под названием «Эндшпиль американского жизненного пространства» в книге «Геополитика — безопасность — терроризм».

предусматривающий расширение НАТО и нейтрализацию, а в перспективе изоляцию и расчленение России.

План расширения НАТО начинается с анализа широко разрекламированного в конце XX века тезиса о геополитическом плюрализме, при этом отмечается, что сохранение геополитического плюрализма служит двум целям: с одной стороны, он предупреждает реинтеграцию стран СНГ, а с другой — не только открывает геополитическое пространство бывшего Советского Союза для американской экспансии (через политику «открытых дверей»), но и подавляет всякую попытку возникновения любого организационного блока, который мог бы угрожать гегемонии США. Как известно, эта идея принадлежит З.Бжезинскому, а позднее она была дополнена тезисом о необходимости разрушения формировавшихся веками экономических и культурных связей России со странами СНГ (в американской терминологии — «руссоцентризма») с последующим расширением американского влияния на прибалтийские государства и Украину. В дальнейшем, как отмечается в анализируемом документе, это позволит политически изолировать Россию и довести до логического завершения главную цель США — контроль над Евразией.

Достаточно логично авторами этого плана обосновывается, что как только Россия признает инкорпорацию Вышеградских стран (Чехии, Польши и Венгрии) в НАТО, то это, тем самым, облегчит для Соединенных Штатов предъявление прав на Болгарию, Румынию, Балтийские страны и Украину. Напомним еще раз, что эти планы расширения НАТО разрабатывались в 1991–1997 годах, и в полном соответствии с этими планами Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония — вошли в НАТО в 2000. Анализируя возможную реакцию российского руководства, авторы этого стратегического плана и прогноза отмечали, что первое отступление России создаст условия для последующих отступлений, а как только балтийские страны и Украина будут взяты под контроль, наступит очередь для оставшихся стран СНГ. В анализируемых документах также указывается, что согласно этой логике и в соответствии с концепциями Бжезинского, в конечном итоге и сама Россия должна быть расчленена.

Характерно, что политика американского Лебенсраума⁴ в этих стратегических планах связывается со сдерживанием не только России, а всех стран, включая (и даже — прежде всего) нынешних союзников США — Германии и Японии. Как обосновывали авторы этих разработок, для Соединенных Штатов жизненно

⁴ Lebensraum im Osten (нем.) — жизненное пространство на Востоке. Термин национал-социалистической пропаганды, отражавший планы заселения германскими народами (арийцами) территорий сопредельных государств.

необходимо предотвратить любую «нелояльную» к ним гегемонию над стратегически важными регионами в мире. К таким регионам анализируемые разработки относят любые регионы, которые характеризуются развитой экономикой, техническими, природными и человеческими ресурсами, ибо (консолидировавшись) они могут попытаться оспорить мировое господство США. Более того, даже Европейский Союз рассматривается как «не то объединение сил», которое Соединенные Штаты должны поощрять, так как усиление и расширение объединенной Европы не входит в их интересы. То есть, интересам США никак не соответствовало не только наметившееся в период деятельности канцлера Германии Г. Шредера (1998–2005) сближение Западной Европы с Россией, но и сама единая Западная Европа им не очень-то нужна⁵.

В заключительных разделах анализируемых документов отмечается, что дальнейшее развитие американской мировой гегемонии не только приемлемо, но желательно и необходимо, а государство, достигшее такого статуса, становится настолько всесильным, что может делать в мире все, что ему заблагорассудится, и в любое удобное для такого государства время⁶.

В перспективных планах американских специалистов по стратегическому планированию также предусматривалось противодействие европейскому монетарному союзу, и создание под эгидой США новой атлантической империи, включающей всю Евразию, ряд республик Советского Союза, и прежде всего Украины, а затем Белоруссии. Претензии на мировое господство в некоторых из анализируемых разработок выражались совершенно открыто: «После демонтажа Советского Союза наступит тысячелетие американской империи».

Можно как угодно относиться к США, можно сколько угодно говорить о недостаточности эффективных президентах Клинтоне, двух Бушах или Обаме, но нельзя не признать, что до последнего времени эти стратегические задачи успешно реализовались.

2. Противодействие РФ созданию монополярного мира

⁵ Хотя в помянутых разработках об этом еще ничего не говорится, появление потока беженцев в Европу при дестабилизации Ближнего Востока и серьезные осложнения для устойчивого функционирования Европейского Союза и Шенгенской зоны были также легко прогнозируемы.

⁶ Первой пробой сил в таком специфическом «формате» международного права стали бомбардировки Югославии (1999) — без мандата ООН, затем бомбардировки Ирака (2003) и позднее - поддержка оппозиционных сил в целях свержения наличной власти в Ливии, Сирии и т.д.

Однако в 2014 году у США появилось одно непредвиденное «осложнение». В отличие от предшествующих руководителей государства, опиравшихся на заключения заокеанских экспертов и последовательно сдававших позиции России в мировой геополитике, президент РФ В. Путин еще в своей Мюнхенской речи (2007) четко обозначил, что эта стратегия США категорически не устраивает Россию, у которой есть свои стратегические интересы.

Кратко напомним основные тезисы этой речи Президента РФ:

Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна.

Система права одного государства (Соединенных Штатов) перешагнула свои национальные границы в экономике, в политике и в гуманитарной сфере, и навязывается другим государствам.

Соединенные штаты недостаточно строго выполняют действующие договоры по контролю над вооружением и скрывают их объемы.

Вопреки Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и декларируемым нашими западными партнерами принципам, провозглашенным после роспуска Варшавского договора, НАТО усиленно выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам.

Политика Запада в отношении стран третьего мира носит циничный характер, так как одной рукой раздаётся «благотворительная помощь», а другой — консервируется экономическая отсталость и собирается прибыль.

ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран.

И главный вывод Мюнхенской речи президента В. Путина приведем дословно: «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня».

Естественно, что такие заявления не делаются в результате каких-то эмоциональных решений. Требовался определенный подготовительный период и формирование адекватных этому заявлению дополнительных условий. К этому периоду уже был создан Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС, 2000), действовала Шанхайская организация сотрудничества, основанная (2001) лидерами России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, а с

2015 года к ней присоединились Индия и Пакистан (вместе эти страны составляют 60% территории Евразии с половиной всего населения планеты).

Позднее начал функционировать Таможенный союз, в который входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия, нефтяной консорциум, к которому присоединились компании из Бразилии, Венесуэлы, Гайаны и Кубы, а также других стран. Развивалось стратегическое партнерство со странами Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Эквадор и др.). В 2011 президент В. Путин предложил для обсуждения перспективу превращения Евразийского Союза в объединительный механизм между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европейским Союзом. Эта инициатива России по понятным причинам была «заблокирована».

Тем не менее, позиция России осталась неизменной. В ответ на приближение НАТО к границам РФ и размещение систем ПРО в сопредельных странах проводились реформы российской армии, осуществлялась разработка новых, более эффективных систем вооружения и техники, а также модифицировалась российская военная доктрина.

Естественно, что появление такого лидера во главе крупнейшей ядерной державы никак не соответствовало планам и стратегическим целям США. Поэтому, в отношении России вначале была предпринята попытка смещения неугодных лидеров по хорошо апробированной в других странах методике — с помощью «цветных революций». Однако массовые политические выступления (2011–2013) на Болотной (акции «белой ленты»), «Русский марш» и другие акции антипутинской направленности не увенчались успехом, и постепенно сошли на нет.

Вслед за этим должен был начаться поиск других путей «вразумления» России. В этом плане, как нельзя кстати — пришелся никак не зависящий от России национальный кризис и государственный переворот на Украине, сепаратистские настроения населения Донбасса, а также сбитый над территорией Украины малазийский Боинг. Не проводя никаких особых исследований, лидеры и СМИ западных стран виновником всех этих событий огульно объявляют Россию, а затем под нажимом США вводятся массированные санкции, направленные на подрыв российской экономики, — Россия во главе с сильным лидером совершенно не устраивает США.

Однако, вопреки ожиданиям, санкции не оказали сколько-нибудь заметного влияния на состояние российского социума, а скорее прибавили ему чувства патриотизма (особенно после присоединения Крыма) и сплоченности граждан на позициях предельно популярного лидера страны.

Безусловно, отношения между Россией и США еще не раз будут меняться в сторону их потепления, особенно по вопросам общих угроз или общих интересов, но стратегические направления американской политики, скорее всего, останутся прежними.

О просчетах российской внешней, внутренней и экономической политики в постперестроечный период не говорит или не пишет только уж очень ленивый, поэтому попытаюсь по максимуму избежать этой темы.

Усугубление условий мирового экономического кризиса для России

Естественно, что никто не планировал всемирный экономический кризис (начавшийся в 2008). Он назревал давно, но этого не хотели замечать, а иногда возникает ощущение, что его глубинные механизмы просто не хотят исследовать или вскрывать. Единственный прагматический вывод, который этот кризис стимулировал: почти утрачена предельно долго существовавшая иллюзия, что «рынок сам все отрегулирует». Более того, лидеры большой двадцатки в Лондоне (1.04.2009) торжественно подписались под декларацией, что спасти мировую экономику будут именно методами государственного регулирования. Многим казалось, что это дает России определенное преимущество, так как эти методы составляли основу всей советской экономики, и в стране еще действовали тысячи экспертов и специалистов в этой области. К сожалению, эти надежды не вполне оправдались.

Как известно, курс национальной валюты все еще жестко привязан к стоимости барреля нефти. В конце 2015 Совет Евросоюза вдруг приостановил (принятое в 2012 году) эмбарго на поставку нефти из Ирана (правда, пока всего на 11 месяцев) — в перспективе это около 10–15% мирового рынка, а США отменили действовавший несколько десятилетий закон о запрете экспорта нефти. Естественно, что при одновременном снижении спроса на нефть у ее главных потребителей это не могло не повлиять на мировые рынки энергоносителей, и вызвало дополнительное снижение курса рубля.

Это снижение еще не достигло своего максимума и, скорее всего, будет углубляться в течение 2016 года, что может крайне негативно сказаться на российской экономике и состоянии социума. Как и во всех подобных ситуациях, вина за насыщение продовольственного и товарного рынка, состояние системы здравоохранения, образования и социальной защиты будет в полной мере адресоваться всем ветвям власти. Это естественно. Тем не менее, самое главное в этой ситуации — поддержание социальной стабильности в обществе и сохранение доверия к власти, что налагает особые обязательства на все действующие партии и движения, на власть — ответственность за активное

предотвращение любых попыток дестабилизации, а на гуманитарное сообщество — за активную социальную терапию. Этот тезис не стоит воспринимать как призыв “победить кризис введением автократии”. Он предполагает, прежде всего, твердую политику государства с опорой на здоровый ресурс общества с постепенным формированием качественно иного уровня общественного доверия и социального партнерства между властью и народом. Самостоятельной задачей является максимальное раскрепощение частной инициативы и последовательная стимуляция личной ответственности граждан, способных к преодолению затяжного кризиса на основе самозанятости. Именно это должно определять законотворческие инициативы и разъяснительную работу всех действующих партий и движений.

Возможно, что не все так плохо, но более откровенная и более понятная широким массам разъяснительная политика потребует в любом случае; а возможно — и обоснование и последующий переход к мобилизационному типу экономики. Почему-то многих это пугает, но мобилизационный тип экономики — это вовсе не синоним Гулага.

3. Общемировой кризис идей и институтов демократии

В качестве предисловия к разделу

Практически все мировые СМИ демонстрируют жестокие преступления запрещенной в России ИГИЛ против человечности и культуры. Эти преступления настолько отвратительны, явны и наглядны, что нет никаких оснований не доверять тому, что мы читаем, видим и слышим. Тем не менее, ряды этой террористической организации постоянно пополняются молодыми людьми, при этом не только из исламских стран, но и за счет этнических западноевропейцев и выходцев из новых государств, образовавшихся после распада СССР. Это заставляет предполагать, что в ИГИЛ (запрещена в РФ) есть нечто, что обладает особой привлекательностью для молодежи. Попытаемся понять — что? Но для этого придется критически пересмотреть некоторые представления, которые стали уже традиционной частью современного мировоззрения. В данном случае имеются в виду идеи демократии и справедливости, движущих сил прогресса и глобализации.

Идеи демократии: период иллюзий и надежд

Начнем с анализа формирования и состояния общества, в котором мы живем. Появление современной демократии как ведущего принципа общественного устройства Западной Европы однозначно связывается с идеями Просвещения и Великой французской революцией (1789), которая стала переломным моментом современной истории и способствовала распространению и утверждению

представлений о гражданских правах, равенстве и свободе, принадлежащих каждому от рождения.

Символическим выражением этих идей стал предельно простой, понятный каждому и чрезвычайно мощный лозунг: «свобода — равенство — братство». По сути — это предполагало новую веру — в величие свободы духа и свободной личности.

Одновременно в это лозунге была заложена идея *природного равенства* всех людей по их задаткам и способностям, а все имеющиеся формы неравенства рассматривались как искусственные, обусловленные сложившейся в обществе несправедливостью, а также — как следствие морально устаревших социальных институтов. Считалось, что достаточно освободиться от этих институтов — и каждый человек проявится во всем величии своих духовных и физических сил.

И в этом было первое и величайшее заблуждение. Как убедительно доказано современной наукой и всем историческим и социальным опытом человечества, люди не равны по своим физическим, интеллектуальным и духовным качествам, и с этим, как отмечал даже Карл Маркс, «ничего нельзя поделаться». Тем не менее, на протяжении двух последних столетий критерием развития европейской (традиционно христианской) цивилизации оставалась апелляция к тем правам и свободам, которые были записаны вначале в «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в середине XX века — во «Всеобщей декларации прав человека».

Модернизация демократических иллюзий

Хотя провозглашенные принципы «свободы, равенства и братства» — фактически — оказались иллюзией или заблуждением, они никогда не пересматривались, но в XX веке претерпели существенные изменения.

Либеральная идеология, появившаяся как преемница идей Просвещения и провозгласившая приоритеты, прежде всего — свободы экономической (следствием чего стало еще более явное неравенство), закономерно привела к появлению социалистических, коммунистических и подобных им идей. В одних странах, например, в Австрии и Швейцарии, эти идеи были реализованы вполне цивилизованно, а в других — трансформировались, где-то в большевизм, где-то — в нацизм, а где-то в «современный капитализм», понятие которого пока недостаточно осмыслено. Либеральная модель экономики породила либеральную мораль, уже давно балансирующую на грани безнравственности, анализ которой увел бы нас далеко за рамки этой публикации.

Причина достаточно очевидна — дегуманизация идей Просвещения, из которых постепенно выхолащивались «равенство и братство». По сути — в «новом издании» модернизированной западноевропейской идеологии осталась только идея экономической свободы, обретшая новое звучание в иллюзорно-спекулятивном лозунге «равенства возможностей», которого также никогда не существовало ни для отдельных людей, ни для стран и народов. В результате на смену идей «всеобщего равенства и братства» пришли идеи парциального звучания: «пролетарской солидарности», «социалистического единства» и т. п., включая более позднюю идею ЕС или исламского единства.

Достаточно редко упоминается один из главных признаков «современного капитализма»: появление нового массового класса «униженных и оскорбленных» (пришедшего на смену классическому пролетариату). А именно — имеется в виду низкоквалифицированный и высококвалифицированный, и даже высокообразованный наемный персонал, не имеющих (в сравнении с работодателями) почти никаких прав и социальных гарантий, получивший наименование «прекариат» (то есть — нестабильный, опасный)⁷.

Одновременно с этим демократия была провозглашена как самая лучшая система общественного устройства, причем — как самая миролюбивая. Однако наличие угроз для демократии начало осознаваться еще после Первой мировой войны, когда президент США Вудро Вильсон совершенно четко обозначил цель завершившейся всемирной бойни — *сделать мир безопасным для демократии*. Проблемы остального мира демократических лидеров начала XX века не особенно заботили.

Напомню, что к началу XX века практически весь мир был поделен между ведущими европейскими (действующими или будущими — демократическими) странами и существовал в форме их колоний. Самыми крупными колониальными империями были Великобритания, Германия, Голландия, Испания, Италия, Португалия, США и Франция. Освободившиеся к середине XX века от колониальной зависимости страны получили название стран третьего мира, и до настоящего времени многие из них выступают в роли источников сырья и дешевой рабочей силы для бывших метрополий. Это позволяет международным корпорациям минимизировать свои издержки, перемещая в эти страны своё производство, в первую очередь — добывающую и обрабатывающую промышленность, и производство товаров массового потребления.

⁷ Прекариат — это искусственный термин, образованный от англ. понятия *precarious*, характеризующего негарантированные трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время.

Существенное примечание: поскольку национальная администрация в странах третьего мира приходила на смену смешанного или колониального чиновничества, беззастенчиво грабившего национальные ресурсы этих стран, эта администрация «усвоила» все тот же колониальный тип управления, в первую очередь ориентированный на собственную наживу и подавление остального населения. В результате во многих странах третьего мира сформировались коррумпированные правящие режимы тоталитарного типа.

Эти режимы, безусловно, не заслуживают позитивной оценки, но они обеспечивали стабильность в ряде таких регионов. Здесь уместно напомнить, что еще Т. Гоббс — один из предвестников демократии в своем «Левиафане» отмечал, что существуют другие религии и структуры повседневности, другие идеи и идеалы, а также страны, в которых только могущественный тиран может принуждать людей к мирному сосуществованию. Во всех других случаях неизбежны войны и междоусобица.

Этот тезис явно не принимался во внимание (или наоборот), когда в начале XXI века лидеры США, вдруг позабыв о предшествующих двух столетиях борьбы за право каждого на инакомыслие, решили привнести демократию в страны и регионы, где для этого не существовало никаких предпосылок. Прежде всего — там не было экономически независимых от государства граждан, не считая иных национальных и религиозных обычаев и традиций. Чем это закончилось в Ираке, Ливии и Сирии (а затем — и для Европы) — все хорошо известно. И вполне справедливо прозвучал вопрос Президента РФ (28.09.2015), адресованный лидерам Запада: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?».

Достижения и пороки демократии

Никто не будет отрицать, что общеевропейскими усилиями была создана высокая духовная и материальная культура. Но она не единственная. В последнее столетие появилась тенденция объединять, а затем и путать культуру с техническим прогрессом. А позднее — уже сам технический прогресс с цивилизационным процессом, который лидерами экономически мощных государств нарциссически идентифицируется исключительно с европейской цивилизацией, составляющей около 21% планетарной популяции.

Здесь, конечно, есть определенное заблуждение. Мне приходилось не раз задавать этот вопрос: «Действительно ли весь неевропейский мир (79% населения планеты) страстно желает присоединиться к этой внешне респектабельной и благоухающей, но местами дурно пахнущей алкоголем, безверием, наркотиками, распадом семьи, проституцией, порнографией, ненадежностью дружб и двойными стандартами, коррупцией и продажностью цивилизации? Все вместе (и респектабельность, и все остальное) обычно

именуется «западным образом жизни» и «обществом потребления». Но, как будет показано далее, оказалось, что далеко не всех это прельщает, даже на том же Западе. В этом «образе жизни» остается все меньше пространства для высоких смыслов и нравственности, которые подменяются товарным фетишизмом и сакрализацией материального достатка.

Все еще провозглашаемые демократические лозунги уже давно не подтверждаются и не верифицируются повседневной реальностью. Идеи демократии за прошедшие два века сильно обветшали и дискредитировались, и уже не вызывают того пафоса и духовных порывов, с которыми когда-то шли на баррикады и на смерть. Добавим к этому еще одно веское обоснование: за последние тридцать лет преступность во всем мире возросла в среднем в 3-4 раза, а в самых демократических странах, таких как США — в 6–8 раз. Средний рост преступности в мире составляет около 5% в год. И это на фоне такого же количественного роста различных правоохранительных структур, призванных защищать идеалы демократии. Стал ли мир от этого безопаснее?

Несколько штрихов к процессу глобализации

О глобализации можно говорить долго и описывать ее с различных точек зрения и подходов — геополитических, экономических, социальных и т.д. Но у нее имеются несколько маркеров, без которых понимание этого процесса было бы неполным.

Деньги стали постепенно утрачивать свое основное назначение и превратились в специфический товар, не подлежащий длительному хранению. Освоение новых территорий больше не сопровождается созданием и развитием производственных мощностей и заселением тех или иных регионов. Основным вариантом «освоения» стало все более технологичное изъятие природных ресурсов и высококвалифицированного научного и кадрового потенциала с закономерно однонаправленным вектором их движения в страны — лидеры глобализации. Одновременно с этим существует ряд ограничений на передачу высоких технологий странам, не относящимся к лидерам глобализации.

В итоге некогда популярная фраза о том, что «Мы все в одной лодке» дополнилась саркастическим примечанием: «Но некоторые в качестве провианта», и начала приобретать реальный смысл для целых стран и народов. Расслоение населения по уровню доходов постоянно растет, особенно за счет сверхприбыльной сферы экспорта природных ресурсов и ничего не производящего (кроме финансовых операций) банковского капитала, достигая «разрывов» между самыми высокооплачиваемыми менеджерами и работающей беднотой («прекариатом») в сотни и даже тысячи раз. Практически во всех странах появилась категория «более равных», безнаказанность которых

пропорциональна их капиталу. Возникает вопрос: действительно ли демократия является высшей стадией развития человечества?

Что-то изменилось в современном мире, и это что-то еще не осмыслено. Современный демократический дискурс не дает населению Европы никаких представления о векторе движения общества, нравственных идеалах и смыслах бытия. Высокая культура сменилась массовой, высокая политика — популизмом, высокая нравственность — нравственной нищетой. В результате все еще провозглашаемые демократические принципы «свободы, равенства и братства», и даже некогда чрезвычайно популярный лозунг «мирного сосуществования» стали звучать все более цинично. Но они никогда не пересматривались.

Нужно констатировать, что надежды французских просветителей не оправдались. По мере развития демократии мир не стал лучше или безопаснее, и — главное — он не стал справедливее.

4. Идея справедливости

На протяжении тысячелетий поиски новых моделей государственных и общественных структур, и даже формирование всего современного миропорядка шли под лозунгами борьбы за справедливость. Идея справедливости не только занимала выдающиеся умы человечества, но именно ради неё совершались реформы, революции и велись многочисленные войны.

Идея справедливости тесно связана с идеологией, основная функция которой состоит в сглаживании противоречий, а точнее — в создании некоей принимаемой социумом объяснительной системы для всегда существовавших и существующих противоречий. При отсутствии официальной (или неофициальной) идеологии противоречия неизбежно нарастают, и если не будут вовремя замечены и устранены, они закономерно ведут к социальным взрывам.

Со времен Аристотеля принято выделять два вида справедливости: уравнительную (как это было в СССР) и распределительную. Распределительная справедливость предполагает, что существует некто, получающий или присваивающий роль того, кто распределяет, а фактически — того, кто устанавливает порядок и уровень справедливости в обществе. И на кого возлагается ответственность за все формы несправедливости.

Существует несколько теорий справедливости, но остановимся только на одной, наиболее часто упоминаемой в общественных дискуссиях. Так называемая гуманитарная теория справедливости обосновывает, с одной стороны, что все люди должны иметь равные права, а с другой — что экономические отношения

должны быть устроены так, чтобы *наибольшие преимущества имели наименее преуспевающие члены общества.*

Последнее положение было обозначено как «принцип справедливого неравенства» и нашло свое выражение в лозунге о «праве каждого на достойный уровень жизни». Эта концепция была подвергнута справедливой критике, так как *принцип социальной справедливости, фактически, устраняет соревновательность в обществе и порождает неконкурентоспособную экономику,* что со всей очевидностью продемонстрировал опыт социалистического строительства в СССР.

Поэтому, с точки зрения общих интересов любого государства и социума, такие подходы следует рассматривать как «антисоциальные». Адекватная современному периоду развития общества идеология должна разъяснять именно такие и подобные противоречия между принципами справедливости и интересами всего общества.

Повторим еще раз, люди не равны по своим задаткам и способностям, и любая уравнительная система противоречит естественным законам и принципам экономического и социального развития общества.

Тем не менее, в любом обществе существуют представления о справедливом различии в доходах и том уровне, когда такое различие приобретает характер несправедливого. При отсутствии идеологии (и налагаемых ею сдерживающих факторов экономического расслоения общества) уровень общественного недовольства и агрессивности в отношении всего, что оценивается как несправедливое, постоянно нарастает и ведет к дестабилизации социума.

Определенная дестабилизация характерна сейчас для всего демократического мира, который входит в новую эпоху и переживает системный кризис смены парадигмы развития. Как прогнозировалось автором еще 20 лет назад⁸, эта смена, скорее всего, будет проходить чрезвычайно болезненно и не цивилизовано. А возможно, она уже идет.

О не-исламском терроризме

Хотя весь мир испытывает реальное беспокойство по поводу исламского терроризма, на территории собственных государств люди гораздо чаще сталкиваются с бытовым фанатизмом и криминальным и полукриминальным терроризмом своих же сограждан. На один международный теракт приходится

⁸ Решетников М.М. Современная российская ментальность (Психоисторический анализ). — М.: Российские вести, 1995. — 192 с.

сотни «локальных», обычно квалифицируемых как преступные «расстрелы одноклассников» или «сослуживцев», «домашнее насилие» или «хулиганство», а в других случаях вообще никак не квалифицируемых.

По сути, эти два типа терроризма отличаются только масштабом угроз, жертв, наличием или отсутствием политических требований и освещением в СМИ. Но мир почему-то не замечает этих параллелей. В результате общее продвижение к пониманию современных социальных процессов явно тормозится — что-то постоянно не домысливается и не договаривается.

Приведем анализ роста террористических настроений в (обычно именуемой в качестве «самой демократической») стране, который дал проф. Джеймс Фокс из Бостонского университета (2011): «В американском обществе существует определенное число людей, которые озлоблены на окружающий мир, полностью им разочарованы, считают свою жизнь разрушенной и не хотят больше жить... И решают жестоко отомстить тем, кто, по их мнению, несет ответственность за их неудачи и не дает им шанса справиться с жизненными проблемами. Выбирая между суицидом и кровавой расправой они, как правило, выбирают и то, и другое». Как известно, количество таких «случаев» нарастает из года в год. И эти теракты (Ланзы — в США, Брейвика — в Норвегии, Виноградова — в Москве и им подобных представителей титульных этносов) не имеют никакого отношения к исламскому терроризму. Может быть, стоит подумать о том, что кроме внешних причин роста агрессивности населения существуют и некие внутренние?

Практически все развитие человечества и все смены общественно-экономических формаций шли под лозунгами борьбы с несправедливостью и сопровождалось попытками утверждения новых, более справедливых — экономических и социально-психологических отношений между людьми. Но лозунги существовали сами по себе, а общественно-экономические отношения сами по себе, постепенно дискредитируя провозглашенные некогда идеи.

В процессе истощения потенциала тех или иных лозунгов все более явно проявлялось, что не только высокие идеи, но и стремление к власти и алчность, как отмечал Ф. Энгельс, были и есть главными силами прогресса. Именно стремление к власти и алчность властных структур неизбежно приводили вначале к дискредитации высоких лозунгов и идей, и затем — к закономерной смене социально-экономических отношений и формаций.

Возможно, аналогичный процесс мы наблюдаем и сейчас, так как все еще провозглашаемые демократические принципы и лозунги, все больше не соответствуют тому, что демонстрирует реальная жизнь и реальная политика. Необходимо принять как данность, отбросить иллюзии и последовательно

разъяснять идущим нам на смену поколениям: не идеи равенства и братства, и даже не идеи справедливости определяют индивидуальную и общественную жизнь, включая страны и народы, а жесткая конкуренция. И по мере истощения природных ресурсов планеты эта конкуренция будет только нарастать. Если мы хотим сохранить себя как единый народ и единое государство, нам нужно не просто развиваться, а активно конкурировать с другими странами и народами.

Сделаю еще одно небольшое дополнение. В 1998 году мне довелось встретиться с одним из основателей немецкой психоаналитической школы проф. Гельмутом Томэ. Мы обсуждали разные темы, в том числе — заметное потепление отношений между Россией и Западом. Однако проф. Томэ выразил сомнения в долгосрочности этого процесса. Дословно было сказано примерно следующее: «Пока это просто проявление интереса к вам. Он быстро истощится. Гитлер был у власти всего двенадцать лет. После этого немцев ненавидели и боялись еще лет двадцать. Вас ненавидели и боялись семьдесят лет. Эти чувства будут преобладать еще лет сто. Это от любви до ненависти один шаг. В обратную сторону — намного больше». Думаю, было бы ошибкой не замечать, что антирусские настроения существуют и даже искусственно культивируются, прежде всего — в бывших союзных республиках, и эта проблема требует специальной проработки и активного противодействия.

5. Количественный рост террористических настроений

и качественная трансформация террористических организаций

В предшествующий период террористические организации различного толка существовали преимущественно в глубоком подполье и осуществляли свои «вылазки» в форме одноразовых терактов. С этой точки зрения история запрещенного в России исламского государства (с рядом захваченных территорий и собственной регулярной армией) демонстрирует качественно новый этап развития современного терроризма.

Рассмотрим вначале предысторию ИГИЛ (запрещена в РФ), хотя это и не так просто. Эта история еще не завершена, фрагментарна и противоречива. Попробуем изложить ее с минимумом эмоциональных оценок. Точная дата создания этой организации — неизвестна. Считается, что ее основой стала одна из радикальных исламских (суннитских) группировок, которых в период между иракскими войнами было множество. Дополнительно — большинство аналитиков связывают появление ИГИЛ (запрещена в РФ) с партией Арабского социалистического возрождения (Баас), во главе которой долгое время был Саддам Хуссейн. В основе идеологии Баас лежали идеи арабского национализма (суннитского толка) и социализма. Нужно напомнить, что именно при Хуссейне

(после длительной колониальной и полуколониальной истории страны) уровень жизни в Ираке стал одним из самых высоких в арабском мире, а уважение к армии было поднято на небывалую высоту.

После захвата Багдада американские войска привели к власти шиитское большинство и начали проводить повальные «чистки» и увольнение членов и сторонников партии Баас из всех госструктур. «Я сказал лидерам партии Баас, что отныне путь в правительство для них закрыт, — признал бывший глава американской администрации в Ираке Пол Бремер. В результате тысячи чиновников всех рангов, офицеров и полицейских, составлявших ранее элиту иракского общества, остались без работы, утратили свой материальный и общественный статус, и продолжали подвергаться преследованию, как оккупационными войсками, так и радикальными шиитскими фанатиками.

Нам, в меру верующим и толерантным в отношении различных конфессий, включая такую как атеизм, трудно понять религиозных фанатиков. Но для суннитов шииты (и наоборот, впрочем, как и алавиты, к которым принадлежит Б. Асад) — это еретики, причем в том исходном значении и соответствующем отношении к ним, как это было в Европе лет 500 назад, когда еретиков сжигали на кострах инквизиции под ликование возбужденной толпы.

Кроме того, не будем забывать, что это Восток, где такие понятия, как вера, статус, иерархия, родство, почитание старших и начальников имеют совсем иной социальный и индивидуальный смысл и содержание. Многим из бывших столпов иранского общества, партии и армии пришлось посидеть в тюрьме и скрываться от угрозы смертной казни. Самое главное — их самих и их семьи, их детей, а возможно и внуков — лишили исторической перспективы. Поэтому у многих из них не было иного выбора, кроме как обратиться к идее вооруженной борьбы за власть.

По мнению ряда экспертов, именно бывшие сторонники С. Хусейна и сформировали ядро ИГИЛ (запрещена в РФ). И это не какой-то вооруженный сброд, и даже не Талибан, а хорошо обученные войска. Многие иракские офицеры получили подготовку в советских военных училищах и академиях. Бывшие чиновники Саддама Хусейна — это также люди с европейским образованием и опытом государственного управления, тем не менее — хорошо понимающие значение догматов веры, а также роль идеологии, политической пропаганды и образа врага.

Любое восстание и борьба (независимо от ее праведных или неправедных целей) обязательно предполагают наличие заразных, мощных и апеллирующих к эмоциям идей, а также доверия масс и веры в некое иное будущее. Такими

идеями стали — идеи социализма, помноженные на радикальный ислам суннитского толка. Многие западные аналитики пишут о том, что они ненавидят нашу цивилизацию. Это не совсем так, они культивируют презрение к ней, выставляя напоказ чуждые исламу (впрочем, как и христианству) все упомянутые выше пороки западной демократии.

По силе пропагандистского эффекта «исламский социализм» сейчас выходит на первое место в развитых странах. На информационное обеспечение ИГИЛ (запрещена в РФ) тратятся сотни миллионов долларов, во всех странах мира работают десятки тысяч человек, хорошо владеющих методами ведения психологической войны; существует несколько тысяч различных информационных ресурсов, которые ведут пропаганду на арабском, английском, немецком и русском языках, чтобы привлечь на свою сторону, в первую очередь — молодых людей. И привлекают.

Чем они привлекают?

Общеизвестно, что террористы-фанатики — это преимущественно молодые люди, для которых характерны такие свойства как юношеский максимализм, романтика борьбы, склонность подвергать сомнению все устоявшиеся нормы и правила, а также устоявшиеся ценности в сочетании с энергичностью и агрессивностью психологических установок. При нахождении в здоровом социуме этим естественным психологическим потребностям молодых людей противостоит консолидированная позиция взрослого большинства и стабильное государство (как одна из важнейших родительских структур), и постепенно новое поколение становится социально более адаптивным.

Но ситуация качественно меняется, когда и это (взрослое) большинство оказывается в состоянии кризиса переоценки, общественного недовольства, пересмотра всех устоявшихся норм и правил и т.д., что сейчас характерно для всего мира, который, как уже отмечалось, входит в новую эпоху и переживает системный кризис смены парадигмы развития.

Обратимся к некоторым примерам, когда именно молодые люди становились знаковыми фигурами переломных исторических событий, и начнем с Великой Французской революции. Марат еще в 19 лет увлекается проблемой социальных преобразований, а Робеспьер — к 30 годам уже один из наиболее известных и влиятельных политических деятелей, идейный вдохновитель террора, утверждавший, что смертная казнь является обязанностью любого революционного правительства. Джордж Вашингтон (будущий президент США) в 22 года стал командиром ополчения, участвовавшего в колониальной войне. Симон Боливар — едва примкнув к восставшим против испанского владычества, в

27 лет получает звание полковника и титул губернатора Пуэрто-Рико. Джузеппе Гарибальди — в 26 лет уже член тайного общества "Молодая Италия". Лев Троцкий — с юности увлекся идеей революции, и уже в 18 лет (!) создал подпольный кружок, в котором насчитывалось до 200 человек. Че Гевара — в 26 лет уже овеянный славой революционер. Дед нашего премьера-реформатора Аркадий Гайдар (несмотря на дворянское происхождение) в 14 лет уже член РКП(б), а в 17 — уже командир полка в Красной армии.

Таких примеров огромное множество. И эти имена известны всем, они остались в истории! Зачем годами учиться или работать, что-то изобретать, делать открытия или писать диссертации, когда можно обрести всемирную известность через борьбу? Как соблазнительно для молодых активистов!

В середине и второй половине XX века наиболее значимыми были антиимпериалистические выступления, основной движущей силой которых, как и ранее, была молодежь. Эти выступления активно поддерживались Советским Союзом, как оплотом всей системы противодействия капиталистической идеологии. С крахом этой системы образовался идейный «вакуум», и ничего нового или хотя бы интересного для молодых активистов предложено не было. В итоге, часть молодежной активности растворилась в сексе, алкоголизме и поп-культуре. А другая часть начала искать идейные опоры за пределами демократического «вакуума» и империалистического беспредела.

Затем на смену истощившегося и активно подавляемого антиимпериалистического движения пришли антиглобалисты, и также преимущественно молодые люди. Но и это движение, ощутив свою бесперспективность, постепенно снижает свой накал. А молодежь снова обращается к поиску хоть каких-то идеалов или чего-то более значимого, чем товарный фетишизм и материальное благосостояние.

Определенное количество исходно оппозиционно заряженных социальных активистов, настроенных на перемены и страстно желающих быть услышанными, всегда присутствует в любом обществе. Это нормально и естественно. Но если культура и социум не принимает, не обсуждает или исходно отвергает идеалы такого социального активиста, а наличная власть не обеспечивает его сколько-нибудь адекватной объяснительной системой современности, он легко может трансформироваться в социального фанатика. В принципе, крах любых идеалов и иллюзий может стать причиной «некоторого умопомешательства», как Н. Бердяев определял фанатизм. Здесь уместно еще раз напомнить о все еще провозглашаемых идеалах демократии и о том, насколько они верифицируются в реальной жизни современного демократического сообщества.

Почему они идут в ИГИЛ (запрещена в РФ)?

На вынесенный в подзаголовок вопрос уже неоднократно пытались ответить аналитики, журналисты и публицисты. Один из распространенных вариантов ответа: «Они едут воевать на Ближний Восток ради социальной справедливости». Но это только главный и, как уже отмечалось — самый привлекательный лозунг, который активно используют вербовщики.

Пропагандисты ИГИЛ (запрещена в РФ) обещают им гораздо больше — новый мир, в котором не будет богатых и бедных, «более равных», слуг и господ, неправого суда, коррупции и взяточничества, курения и наркотиков, алкоголя и проституции, двойных стандартов и однополых браков, порнографии и гей-парадов и т.д. Безусловно, эти идеи — очередные иллюзии и манипуляции, основанные на ведущих факторах общественного недовольства. Однако для молодых активистов, разочарованных в западном образе жизни, в ряде случаев они оказываются более чем привлекательными.

Мне часто приходится встречаться со студенческой молодежью. Большинство соглашается, что эти лозунги — очередная иллюзия и признают, что построение такого идеального общества невозможно. А некоторые говорят: «Это вы смирились с тем, что это невозможно!». Другие формулируют эту идею с мрачной обреченностью: «Даже если это невозможно, главное — выйти из исторического нравственного тупика, куда весь мир завела насквозь лживая западная демократия и идея общества потребления, уподобив людей скоту».

Западная пресса пишет, что таких уже не единицы, а тысячи, в том числе этнических европейцев, которых при вступлении в ряды ИГИЛ (запрещена в РФ) вовсе не призывают немедленно принять ислам. Некоторые аналитики отмечают, что приток новобранцев в террористические организации из западных стран усилился после банковского (ипотечного) кризиса 2008, когда все государства бросились спасать банки, а не скатившихся в долговую яму граждан (при этом никто доходчиво не объяснил гражданам, что без банков — этой кровеносной системы любой экономики, последняя просто умрет). Огромной пропагандистской силой обладает появление и распространение в мире исламских банков, которые в соответствии с законами шариата не имеют права брать процент по кредитам (но это не значит, что они действуют бескорыстно; там используются другие механизмы извлечения прибыли).

В начале этого материала уже упоминалось стремление США к безусловному доминированию в современном мире и противодействие этой попытке со стороны России. Характерно, что некоторые молодые активисты смотрят на это противостояние достаточно скептически, так как считают, что чем бы оно не

завершилось, это не затронет основ утвердившегося в демократических странах «образа жизни» и не приведет к кардинальным изменениям в стратегии развития современного мирового сообщества. А нынешнее состояние этой стратегии у определенной части молодежи явно не вызывает восхищения. Поэтому многие молодые активисты из Азии, Ближнего Востока, Европы и США готовы бороться за идею какого-то нового общественного устройства, хотя сами они не очень-то понимают, каким именно оно должно быть. Есть только недовольство, и пока никто не предложил им иных идей, смыслов бытия и — в целом — иной модели будущего. А такая модель нужна.

В современном мире около 1,5 млрд. людей исповедуют ислам. По данным информационного портала «Линга» (8.07.2015), проводившего опросы в одиннадцати арабских странах, около 8,5 млн. человек являются безусловными сторонниками ИГИЛ (запрещена в РФ), а общее число арабов, так или иначе одобряющих их действия и идеологию, достигает 24 млн. человек. По мнению специалистов, подобная статистика в первую очередь свидетельствует о колоссальных успехах пропаганды ИГИЛ (запрещена в РФ) в арабском мире, которой — по сути — ничего не противопоставлено. А при отсутствии иного образа будущего — и не может быть противопоставлено.

Общее количество боевиков ИГИЛ (запрещена в РФ) не поддается строгому учету, и различными экспертами оценивается в диапазоне от 30 тыс. до 200 тыс. чел. Поскольку эти боевики захватили и контролируют обширные территории с населением более 2 млн. чел., как более близкая к истине воспринимается последняя цифра (от 100 до 200 тыс.). Общими усилиями российских Военно-космических сил и западной коалиции боевики ИГИЛ (запрещена в РФ) в Сирии, безусловно, будут разгромлены. Но эти люди никуда не денутся, они рассеются по всем сопредельным и удаленным странам мира, на время затаятся у своих сторонников и сочувствующих. Ранее мной уже обобщался опыт изучения исламского терроризма, в частности, приводились данные, что даже после многолетнего заключения в тюрьме за терроризм лишь 16% боевиков не планируют возвращение к своей прежней преступной деятельности⁹.

Говоря о терроризме, мы обычно характеризуем его как результат деятельности террористов. А следствием чего является появление этих самых террористов — остается наименее изученным вопросом. Поэтому и проблема контрпропаганды оказывается практически неразрешимой.

⁹ Решетников М.М. Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ. — М.: МГУ, 2014. - С. 230 (открытый доступ в Интернет <http://reshetnikov.org/ru/blog/blog/344.html#cut>)

Как это могло случиться? Есть ли исторические аналогии?

Мир шокирован и возмущен тем, что они убивают и казнят ни в чем не повинных людей, даже младенцев. Они отрезают головы пленным. Топят людей, закованных в кандалы. Все, кто не признает их веру, объявляются врагами и обрекаются на смерть. Они убивают даже муфтиев. Они разрушают святыни.

Думаю, что накануне юбилея октября 1917 стоит вспомнить и без излишней стыдливости рассказывать современной молодежи, что происходило в одной очень верующей и богобоязненной православной стране 100 лет назад, когда был провозглашен лозунг «свободы — равенства — братства», и без какой либо религиозной подоплеки была объявлена непримиримая борьба за новую справедливость под лозунгами: «Фабрики рабочим», «Землю крестьянам», «Власть народу». «Мир хижинам — война дворцам!», «Да здравствует красный террор!» и т.д. И при отсутствии радио, телевидения, интернета и прочих современных СМИ эти идеи в самые короткие сроки всколыхнули огромную страну и миллионы оболваненных людей бросились в кровавую битву.

Пролетарская и сельская беднота, у которой никогда не было такой исторической перспективы, легко поверила, что она и есть самый передовой класс — «могильщик капитализма». А все остальные единоверцы — интеллигенция, зажиточные крестьяне, привыкшие работать с восхода до заката, люди, которые умели что-то делать и создавать, верой и правдой служившие отечеству солдаты и офицеры — были обозначены как «буржуазия и ее прихвостни» и обречены на уничтожение. И вовсе не только как класс, а на физическое уничтожение.

Сравним размах событий. По современным данным, представленным в 2015 правозащитными организациями Сирии и Ирака, общее количество жертв ИГИЛ (запрещена в РФ) составляет от 10 до 20 тыс. человек, в том числе — женщин, детей и муфтиев. Одновременно с этим ими были осквернены десятки религиозных святынь и памятников истории.

В период Гражданской войны в России (1917-1922) было убито и умерло от ран 2,5 млн. человек. Погибли в результате террора 2 млн. Умерло от голода и эпидемий — 6 млн. Были вынуждены бежать из страны более 2 млн. Из 77 тыс. церквей, действовавших в России в 1914, к 1948 были разграблены и разрушены более 63 тыс. Только в 1937 было арестовано 136 900 православных священнослужителей, из них расстреляно 85 300 чел.

Пролетариат был просто опьянен идеей всеобщего равенства и провозглашения его самым передовым классом и наделение его правом на насилие над «враждебным классом». Патологически поверив в эту историческую иллюзию, до этого — достаточно толерантный и богобоязненный народ отказался от веры

предков и погряз в крови. Но идея новой справедливости была крайне соблазнительной. Воодушевленные этой идеей в ряды Красной армии, карательных отрядов и ЧК вступали тысячи высокообразованных людей, офицеров, студентов, творческой интеллигенции и даже романтически настроенных представителей крупного капитала. И ведь искренне боролись за торжество справедливости, расстреливая классовых врагов целыми семьями, включая малолетних детей, как исходно враждебный класс. Старшее поколение еще помнит, чем это закончилось. То, что пришло на смену коммунистическому режиму (1991), вначале было воспринято с воодушевлением, но по мере бескомпромиссного слома всего старого «с водой выплеснули и ребенка» — традиционные для России идеи и образы будущего были отвергнуты, а новых — так и не появилось.

«Перемен требуют наши сердца...».

Мы все еще действуем на (выдвинутой младореформаторами в качестве основной) платформе экономизма, и недооцениваем роль и силу идей. И пока ничего не противопоставили идеологии ИГИЛ (запрещена в РФ). Предшествующий и современный опыт человечества со всей очевидностью демонстрирует, что ни общая территория, ни общий язык, ни общая история не делают конкретный социум единым народом. Только обращение в общее будущее является главным консолидирующим фактором, и этот образ должен быть ясным и привлекательным.

Идея справедливости — это не только лозунг, но и маркер. Дискуссия о справедливости и периодическое усиление несправедливости идут на протяжении всей истории человечества параллельно. Однако усиление этой дискуссии является маркером потребности перемен. Демократия — это весьма противоречивый общественный институт, так как провозглашенные ею лозунги свободы, равенства и братства, так же как идеи справедливости и равенства возможностей все меньше подтверждаются в реальной жизни.

Относительно уверенно можно сказать только одно: смыслы жизни и справедливость не находят, а обретают в борьбе, но эта борьба должна вестись цивилизованными методами.

СПб., 22.12.2015